

DOI:10.15393/j9.art.2012.358

Дарья Сергеевна Кунильская

*магистрант кафедры классической филологии,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

dkunilskaya@yandex.ru

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РОМАНЕ «ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС» К. Н. ЛЕОНТЬЕВА*

Аннотация: Несмотря на оживленный интерес в наши дни к творчеству К. Н. Леонтьева, объектом научных исследований чаще становится его публицистика, художественные его произведения рассматриваются в гораздо меньшем объеме. В статье исследуется одно из наименее изученных произведений Леонтьева — роман «Одиссей Полихрониадес», который он считал лучшим своим творением. В романе описаны воспоминания загорского грека. Сюжет имеет реальную основу. В работе прослеживается связь между взглядами писателя, отраженными в его публицистике, и протовизантийской традицией (термин С. С. Аверинцева), играющей немаловажную роль в названном романе. Важной особенностью ранневизантийской культуры является синтез христианского и языческого. В статье рассматривается проблема взаимовлияния античных и христианских традиций в наследии Леонтьева, устанавливается один из ключевых мотивов романа — «старчество в младенчестве», указывается на особое речевое оформление греческих героев: акцентируется та особенность евангельского языка, которая сохраняется в патриархальном греческом обществе. В статье дан вывод о близости писательского мировосприятия ранневизантийскому религиозному сознанию.

Ключевые слова: К. Леонтьев, «Одиссей Полихрониадес», византизм, Афон

Имя выдающегося русского мыслителя, публициста, писателя, критика Константина Николаевича Леонтьева относительно недавно вернулось к русскому читателю. По ряду причин творчество К. Н. Леонтьева до недавнего времени было принято рассматривать как крайне специфическое, идейно маркированное [8], [14]. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на оживленный интерес в наши дни к творчеству Леонтьева, объектом научных исследований становится его публицистика, при том что в гораздо меньшем объеме привлекаются его художественные произведения. Сам же Леонтьев высоко ценил свои Балканские повести, где вполне раскрылся его художественный талант.

Экзотическая для того времени тематика цикла «Из жизни христиан в Турции» обуславливается тем, что Леонтьев описывал среду, которую знал и любил: он провел на Ближнем Востоке тринадцать лет (с 1861 по 1874 г.), занимая консульские должности.

«Одиссей Полихрониадес», самый большой свой роман, Леонтьев считал лучшим своим творением. «Судя по отзывам людей весьма разнообразных: едва ли "Одиссей Полихрониадес" ниже "Обрыва" и "Обломова"», — писал он в 1886 году Т. И. Филиппову¹.

Нас интересует, как проявляется протовизантийская традиция (термин С. С. Аверинцева) в творчестве Леонтьева. Византизм определил историко-философские его взгляды, из него писатель исходил в своем учении о мессианской роли России:

Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия, одним словом все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во вселенной.

Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым в начале, славянским материалом [10, 198].

Аскетическое умунастроение вкупе с античным культом красоты характерно для Византии, оплота европейской цивилизации после упадка Рима.

Нам важна ранняя Византия, когда, по слову В. В. Бычкова, сформировались основные понятия и категории византийской эстетики. В этот же период сложилась своеобразная система мышления восточных христиан, а византийское искусство достигло (в конце периода) не обычного расцвета [6, 23]. Рамки его — время «от Константина I (324—337) до Ираклия (610—641)» [1, 5].

Византологи (З. В. Удальцова, А. П. Каждан, С. С. Аверинцев) выделяют драматическую напряженность ранневизантийского периода: всюду наблюдается «смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой» [13, 46].

В то же время С. Л. Франк отмечает в «духовном существе» Леонтьева «противоречивые иррациональные сплетения»: «эстетическая страсть к богатству и сложности жизни» соединяются в нем с «монашеским аскетизмом» [16, 236]. С. Н. Булгаков считает, что «стихию Леонтьева составляет палящая, языческая его чувственность, с которой он влюблен был в мир форм» [4, 378]. В. В. Зеньковский отмечал, что само «эстетическое восприятие мира и жизни вдохновляется у Леонтьева религиозным сознанием», особенно отмечая, что Константин Николаевич в детстве «не дышал воздухом отравленной секуляризмом культуры, а впитал в себя все содержание культуры под эгидой эстетического любования Церковью, еще не думая о внутренних диссонансах в культуре» [7, 252, 251]. Леонтьев отмечал:

Я две самые лучшие свои вещи, роман и не роман («Одиссея» и «Византизм и славянство»), написал после 1 ½ года общения с афонскими монахами, чтения ранних аскетических писателей и жесточайшей плотской и духовной борьбы с самим собою?²

Действительно, русской литературе присуще своеобразие национального образа мира, православного менталитета. Так П. А. Фло-

ренский пишет о «Руси, имевшей воспрять от царственных щедрот византийской культуры»³.

Роман представляет собой воспоминания загорского грека. Сюжет имеет реальную основу. Как отмечают О. Л. Фетисенко и В. А. Котельников, автобиографизм играл огромную роль у Леонтьева⁴.

«Красная нить в повести — развитие характера Одиссея» [9, 376], становление юноши. В ценностной иерархии Одиссея его дом, родные играют главенствующую роль. После отъезда отца Одиссей будет возвращаться к его наставлениям:

Церковь не забывай. <...> ...Бери примеры образованности и благородство, а что... несообразно со строгою нравственностью доброго православного, от того устранийся⁵.

В своей работе «Византизм и славянство» Леонтьев пишет:

Все менее и менее сдерживает кого-либо религия, семья, любовь к отечеству, — и именно потому, что они все-таки еще сдерживают, на них более всего обращаются ненависть и проклятия современного человечества. Они падут — и человек станет абсолютно и впервые «свободен». Свободен, как атом трупа, который стал прахом [10, 285].

Все эти охранительные начала Леонтьев находит на христианском востоке:

...простой народ на Востоке лучше нашего; он трезвее, опрятнее, наивнее, нравственнее в семейной жизни, живописней нашего⁶.

В христианстве личность, семья становятся «центром новой истории, как прежде центром таким была городская или родовая община» [12, 67], — резонно считал Розанов.

При всей внешней патриархальной простоте образа Одиссея его речевое оформление предстает достаточно сложным. Во-первых, очевидна *ритуальность, орнаментальность* языка, присущая *архаичному* сознанию. В то же время в нем проступают *национальные* черты колоризма, красочности, цветистости. Живописность, театральность отличают древнюю культуру Восточного Средиземноморья. Во-вторых, в них есть черты инфантильно-родового сознания: употребление уменьшительно-ласкательных форм: «мальчик», «сердечко мое», «деточка», «гвоздичка душистая», мальчик «как картиночка писаная, как девочка нежный и красивый» и т. д.

«Язык ранневизантийской сакральной словесности, как и ее предшественников, начиная с Нового Завета, — объясняет в своей работе С. С. Аверинцев, — отмечен одной чертой, которую поистине можно назвать "детской", чуть ли не "ребячливой", и в то же время "старческой", только не "мужеской": обилием уменьшительных форм. Христианский автор редко когда скажет "книга" (βιβλος) — все чаще "книжка" (βιβλιον), даже "книжечка" (βιβλαρίδιον). Вот слова хананеянки в синодальном переводе: "И псы едят крохи, которые

падают со стола господ их"; по-гречески сказано *κυνάρια* — "собачки", "щенятки", что вносит иную интонацию. <...> Простонародная речь тяготеет к диминутивам, и это нетрудно понять. Уменьшительные формы снижают речь, делая ее более скромной, и одновременно смягчают ее, делая ее более ласковой» [1, 185].

Сочетание мудрости и простоты Леонтьев находит характернейшей особенностью греков, отмечая, что «поэзия чувств моего "Одиссея" и других лиц не находится в противоречии и с этнографическими фактами»⁷. Подобные черты близки мотиву «старчества в младенчестве» (С. Аверинцев):

В идеале всякий старец должен быть младенцем по незлобию, но зато всякий младенец должен быть старцем по мудрости, серьезности, истовости. Младенчество и старчество меняются местами: жизнь святого, каким его изображает агиография той эпохи, начинается еще в детские годы со старческой аскезы, а завершается младенческой простотой [1, 182].

Ю. П. Иваск замечает, что Одиссею присущ нарциссизм, тщеславие. Вот пример его мечтаний:

Газеты пером Исаакидеса гремят о тебе, о! патриот человек...⁸

С. Аверинцев, говоря о ранневизантийской эпохе, замечает, что «изошренность» ранневизантийской литературы наивна, а наивность вовсе не так наивна и скорее изошренна» [1, 252]. Ю. Иваск высказал предположение о том, что Леонтьев, «может быть... хотел довести своего загорского любимца до катастрофы, до отчаяния и надеть на него клобук» [9, 376]. Следуя логике Иоанна Лествичника, представленной в виде логической цепочки («от послушания рождается смирение, от смирения рассуждение, от рассуждения рассмотрение, от сего прозрение»⁹), «избранник может прийти к "младенчеству в старости", к чудесной невинности по ту сторону житейского опыта» [1, 183].

Обостренное чувство собственного достоинства, аристократизм консула Благова сближают его с романтическими чертами Байрона. И Одиссей моделирует образ Благова «в рамках романтического движения». Но рассмотрение образа русского консула лишь в романтическом ключе уводит от авторской позиции. О Благове Леонтьев говорит:

А молодого русского консула — светского человека и художника по натуре, которого многие любят в книге и которого я сам люблю — изобразить трудно по противоположной причине: слишком легко впасть в безличную идеализацию своих собственных хороших чувств¹⁰.

В образе консула Леонтьев воплощает идеал, отражающий расцвет органической жизни (так, как он сам его определял): «цветущей

сложности» [10, 239]. Аверинцев замечает, что единство византийской куль туры — это «единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующих равновесие своим взаимоупором». Положительное начало в Благове выражается в его созидательной деятельности¹¹. Благов изображен эстетом, близким автору (деталь интерьера приемной консула из текста романа):

В углу висела икона Спасителя, кроткий лик, светлый, молодой и, однако, еврейский; икона была вся в золоте и почернелом серебре.... А на другой стене, между дверцами резных шкапов, висела одна только большая картина: три полуобнаженных женщины... сидели под тенистым деревом¹².

Н. А. Бердяев говорит о том, что эстетизм Леонтьева был сродни античному, «коренился на *антисмертности* или, пожалуй, на *бессмертии красоты*, прекрасного, прекрасных форм» [3, 31]. Эстетический критерий Леонтьев считает «применимым ко всему, т. е. во всем бытии видит существенно эстетические признаки» [3, 85]. По Леонтьеву, «эстетика как критерий приложима ко всему, начиная от минералов до человека» [17, 173]. Ю. Иваск передает атмосферу романа:

Тени Байрона, Али-паши, Святого Георгия Нового, идеальные мужи — консул Благов и разбойник Джеффер Дэм, красивые, разодетые юноши друзья, греки, турки, албанцы... уличные драки, всенародная казнь, пиры и споры в консульствах, честолюбие, коварство, великодушие, отвага, наконец, смутные воспоминания о древней Элладе и живое благочестие в византийских храмах — вот та мужская стихия, которую Леонтьев нигде так полно и ярко не изображал, как в «Одиссее Полихрониадесе»... На Балканах же он спел свою песню песней во славу живой жизни! [9, 380]

С. Аверинцев, сопоставляя эстетику и онтологию, замечает:

Проблемой бытия занимается онтология, проблемой прекрасного — эстетика, и между сферами онтологии и эстетики не может быть никаких пересечений. <...> Первое, с чем должен считаться истолкователь средневекового мировоззрения, — это неожиданный для нас взгляд на бытие как на преимущество, как на совокупность всех совершенств, в которую входит и эстетическое совершенство [1, 38].

Т. Г. Мальчукова пишет о том, что «христианское учение о сотворении мира», «сложившись в библейской традиции», при соприкосновении с панэстетизмом античной культуры приобретает отчетливую эстетическую окраску.

В греческом переводе Книги Бытия Божье творение определяется словом «красивый», «прекрасный», «хороший» с эстетическими коннотациями на первом плане [11, 270]. Так, еще Плотин из Красоты, тождественной Благу, выводит духовную сущность бытия: Καὶ τὸ πρῶτον θετέον τὴν καλλονήν, ὅπερ καὶ τὰ γαθόν· ἄφ' οὗ νοῦς εὐθύς τὸ καλόν· ψυχὴ δὲ νῦν καλόν (Эннеада I, 6)¹³. Розанов писал, что «об-

щий и главный смысл» всех произведений Леонтьева состоит «в сохранении жизни, в чувстве влечения к ней как к величайшей красоте природы. Его “эстетизм” <...> коренился на антисмертности или, пожалуй, на бессмертии красоты...» [12, 121]. Но вот, к примеру, как русский консул в романе описывает свои впечатления о турецком убийце православных греков:

Я сначала выписал бы из Италии живописца, чтобы снять с него портрет, а потом повесил бы его...¹⁴

Эстетический образ мира св. Отцов и Леонтьева имеет точки соприкосновения. У них прекрасное приложимо ко всем уровням бытия. Св. Дионисий ПсевдоАреопагит пишет:

Красота боголепная, неразложимая, благая... не терпит никакого смешения ни с каким неподобием; и все же она способна уделять каждому, по достоинству его, долю некоего света и каждого приводить в божественнейшем посвящения таинстве к созвучию с ликом своим неизменяемым [1, 145].

О. Павел Флоренский, полемизируя с Леонтьевым, писал:

У него «эстетичность» есть самый общий признак; но, для автора этой книги (т. е. для о. Павла. — Д. К.), он — самый глубокий. Там красота — лишь оболочка, наиболее внешний из различных «продольных» слоев бытия; а тут — ...сила, пронизывающая все слои *поперек* [15, 585—586].

Мы согласны с Бычковым, что Флоренский близок Леонтьеву в вопросах эстетики. Бердяев же определил роман «Одиссей Полихрониадес» как «неудачное, скучное произведение». Но Леонтьев, отторгая обыденность, открывает в каждом дне Одиссея, в поступках Благова движущую силу — непреходящую Красоту.

Завершая, еще раз подчеркнем нижеследующее. Ранневизантийский мотив «старчества в младенчестве» отражен в герое Леонтьева «пиететом перед детскостью, безыскусной простотой» [1, 183]. Аверинцев усматривает в нем «реабилитацию *наивно*... выраженного в словах Василия Кесарийского: "простое и чуждое ухищрений учение Духа"» [1, 184].

Роман актуализирует эстетический модус жизни. Григорий Нисский трактует полноту бытия, в том числе и его эстетическую составляющую, как *πληρωμα των αγαθων* (полнота благ; «О душе и воскресении»). Особенность ранневизантийской культуры, нашедшая свое отражение в творчестве К. Н. Леонтьева, — это переплетение христианского и языческого. Такого рода синтез проявляется у Гр. Назианзина, который стремился, по Аверинцеву, «к консервации античного языка форм, как инструмента для передачи христианского содержания» [1, 284].

Это черта *христианского неоплатонизма*, присущая *византийскому* изводу христианства. Он даст множественные рецидивы в

русско православной картине мира, как в культуре, искусстве и богословии, так и в историософии, политике.

Примечания

- * Работа выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.
- ¹ Цит. по: Котельников В. А., Фетисенко О. Л. Комментарии // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 2002. Т. 4. С. 946.
- ² Цит. по: [3, 70].
- ³ Цит. по: [5, 9].
- ⁴ Котельников В. А., Фетисенко О. Л. Комментарии. С. 946.
- ⁵ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 2002. Т. 4. С. 234.
- ⁶ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 3. С. 8.
- ⁷ Цит. по: Котельников В. А., Фетисенко О. Л. Примечания к «Одиссею» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 834.
- ⁸ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 506.
- ⁹ Цит. по: [2, 404].
- ¹⁰ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 6. Кн. 1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения. 1869—1891. С. 73.
- ¹¹ А вот как Достоевский видит байронизм: «Байронические натуры большею частью сидели сложа руки..» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. XVIII. С. 58).
- ¹² Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 314.
- ¹³ «...на первом месте следует поставить красоту, тождественную с Благом, из которого непосредственно проистекает Дух».
- ¹⁴ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 483.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Кода, 1997. 343 с.
2. *Бакусов В. М.* Оптина пустынь: русская православная духовность. М.: Канон, 1997. 414 с.
3. *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб.: РХГИ, 1995. С. 29—180.
4. *Булгаков С. Н.* Победитель — побежденный // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995. С. 376—392.
5. *Бычков В. В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. 527 с.
6. *Бычков В. В.* Малая история Византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991. 408 с.
7. *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Л.: Эго, 1991.
8. *Иванов Г.* Страх перед жизнью // Сегодня. Рига. 1932. 28 сент. С. 2—3.
9. *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995. С. 229—650.
10. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. М.: Наука, 1991. С. 171—296.

11. Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. 483 с.
12. Розанов В. В. Эстетическое понимание истории // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995. С. 27—122.
13. Удальцова З. В. Византийская культура. М.: Наука, 1988. 288 с.
14. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Новый град. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 10—84.
15. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь, 1914. 810 с.
16. Франк С. Л. Мирозозерцание Константина Леонтьева // Леонтьев К. Н.: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995. С. 235—240.
17. Фудель С., свящ. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995. С. 160—180.

Dar'ya Sergeevna Kunil'skaya

*Masters' Student, Department of Classical Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
dkunil'skaya@yandex.ru*

EARLY BYZANTINE TRADITIONS IN THE NOVEL «ODYSSEUS POLIHRONIADES» BY K. N. LEONTYEV

Abstract: Despite the current interest in the works of Konstantin Leontyev, scholars have so far mainly addressed his philosophic and political essays, with his works of fiction attracting considerably less attention. Our article is devoted to one of Leontyev least studied text — the novel *Odysseus Polihroniades*, which the author himself considered his best work. The novel is written as memoirs of a Greek man from Zagora and is based on real-life events. We have traced a link between the writer's outlook as reflected in his essays and the proto-Byzantine tradition as defined by S.S. Averintsev which plays an important role in the novel. An important feature of the early Byzantine culture is the synthesis of the Christian and the heathen. We examine the issue of mutual influence of the classical and Christian traditions in Leontyev's texts. We also suggest that “old age in infancy” is one of the key motifs of the novel. Greek characters have specific speech features, with the emphasis on Gospel language preserved in patriarchal Greek society. The article concludes by reaffirming the thesis of affinity existing between Leontyev's view of the world and the early Byzantine religious consciousness.

Keywords: K. Leontyev, early Byzantine tradition, aesthetics, *Odysseus Polihroniades*, Mount Athos

References

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [*The Poetics of Early Byzantine Literature*]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p.
2. Bakusev V. M. *Optina pustyn': russkaya pravoslavnaya dukhovnost'* [*The Optina Hermitage: Russian Orthodox Spirituality*]. Moscow, Kanon Publ., 1997. 414 p.
3. Berdyaev N. A. Konstantin Leontiev (Ocherk iz istorii russkoy religioznoy myсли) [Konstantin Leontiev (Essay on the History of Russian Religious Thought)].

- K. N. Leontiev: pro et contra* [*K. N. Leontiev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, 1995, book 2, pp. 29—179.
4. Bulgakov S. N. Pobeditel' — pobezhdenny [The Winner — the Loser]. *K. N. Leontiev: pro et contra* [*K. N. Leontiev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, 1995, book 1, pp. 376—392.
  5. Bychkov V. V. *2000 let khristianskoy kul'tury sub specie aethetica: v 2 tomakh* [2000 Years of Christian Culture Sub Specie Aesthetics: in 2 Vols.]. Moscow; Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999.
  6. Bychkov V. V. *Malaya istoriya Vizantiyskoy estetiki* [Concise History of Byzantine Aesthetics]. Kiev, Put' kistine Publ., 1991. 408 p.
  7. Zenkovsky V. V. *Istoriya russkoi filosofii: v 2 tomakh* [The History of Russian Philosophy: in 2 Vols.]. Leningrad, Ego Publ., 1991.
  8. Ivanov G. Strakh pered zhiznyu [Fear of Life]. *Segodnya* [Today]. Riga, 1932, September 28, pp. 2—3.
  9. Ivask Yu. P. Konstantin Leontiev (1831—1891). Zhizn' i tvorchestvo [Konstantin Leontiev (1831—1891). The Life and Art Work]. *K. N. Leontiev: pro et contra* [*K. N. Leontiev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, 1995, book 2, pp. 229—650.
  10. Leontiev K. N. Vizantizm i slavyanstvo [Byzantism and Slavdom]. *Rossiya glazami russkogo: Chaadayev, Leontiev, Soloviev* [Russia through Russian Eyes: Chaadayev, Leontiev, Soloviev]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 171—296.
  11. Malchukova T. G. *Antichnye i khristianskie traditsii v izobrazhenii cheloveka i prirody v tvorchestve A. S. Pushkina* [Antic and Christian Traditions in Pushkin's Representation of Nature and Man]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2007. 483 p.
  12. Rozanov V. V. Esteticheskoe ponimanie istorii [Aesthetic Understanding of History]. *K. N. Leontiev: pro et contra* [*K. N. Leontiev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, 1995, book 1, pp. 27—122.
  13. Udaltsova Z. V. *Vizantiyskaya kultura* [Byzantine Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 288 p.
  14. Fedotov G. P. Tragediya intelligentsii [The Tragedy of the Intelligentsia]. *Fedotov G. P. Novy grad* [Fedotov G. P. New City]. New-York, Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc., 1952, pp. 9—58.
  15. Florensky P. A. *Stolp i utverzhdenie Istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pismakh* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Put' Publ., 1914. 810 p.
  16. Frank S. L. Mirosozertsanie Konstantina Leontieva [Worldview of Konstantin Leontiev]. *K. N. Leontiev: pro et contra* [*K. N. Leontiev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, 1995, book 1, pp. 235—240.
  17. Fudel S. Kulturny ideal K. N. Leontieva [K. N. Leontiev's Cultural Ideal]. *K. N. Leontiev: pro et contra* [*K. N. Leontiev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, 1995, book 1, pp. 160—180.